

Э. Д. ОРЛОВ

Чехов и «малая пресса» его времени: к постановке проблемы литературного быта

В разное время исследователи отмечали, что понять творчество Чехова вне литературной среды «малой прессы» и «физиономии» изданий массовой литературы, где начинал Чехов-писатель, нельзя. «Всякий писатель пишет в определенной среде и для определенной среды, и поэтому изучать его надо в его естественном окружении»*, — писала Л. М. Мышковская еще в 1929 году, когда в нашем литературоведении начал определяться интерес к проблеме литературного быта как теоретической проблеме.

Сама генеалогия новаций Чехова-писателя, особенно в ранний период, предстает гораздо нагляднее в сопоставлении с произведениями наиболее близкого Чехову литературного ряда — «малой прессы», тексты и быт которого строились по своим законам. При этом оказываются интересны тексты авторов различной творческой одаренности и судьбы. Только в таком контексте и можно пытаться понять, в каких условиях и на каком фоне происходило формирование Чехова-писателя на раннем этапе, за счет чего его тексты почти с самого начала выбиваются из этого ряда. Но все это чрезвычайно важно и для понимания литературной ситуации конца XIX века — изменений в литературной иерархии и взаимозависимости, взаимопроникновения разных пластов литературы, а значит, и взаимоотношений писателя и читателя.

«Изучить литературный фон необходимо еще и потому, что невниманье к нему приводит к неточностям, граничащим иногда с историко-литературными заблуждениями»**, — отмечал А. П. Чудаков. Сегодня

---

* Мышковская Л. Чехов и юмористические журналы 80-х годов. М.: Московский рабочий, 1929. С. 27.

** Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. М.: Наука, 1986. С. 7.

совершенно очевидно, что важно исследовать не только литературный фон, но и литературно-бытовой материал в целом, вбирающий в себя и литературный фон, и литературную среду, без чего трудно надеяться исторически верно оценить новаторство Чехова.

Введение понятия «литературный быт» позволяет выйти за рамки только литературной среды, литературного фона, так как оно оказывается шире. Классическое определение понятию дано Ю. М. Лотманом в словарной статье «Литературного энциклопедического словаря»: «Литературный быт — особые формы быта, человеческих отношений и поведения, порождаемых литературным процессом и составляющие один из его исторических контекстов. <...> Л. б., не являясь определяющим фактором литературной эволюции, может играть весьма существенную роль в динамике литературного процесса»*. В этой статье четко отмечены значимые для понятия «литературный быт» связи литературы и поведения, литературы и бытового контекста, дано определение понятию «литературный факт», введенному в научный обиход Ю. Н. Тыняновым.

В настоящее время в словарях литературоведческих терминов, как правило, статья «литературный быт» отсутствует вовсе или понятию дается определение, оторванное от его функционального применения в рамках истории или социологии литературы**.

Говоря сегодня о литературном быте, можно рассматривать его как некий поведенческий *текст* (в широком смысле), который может определять стиль писателя или существенно влиять на него, иногда просто заставляет писать и жить по уже созданным шаблонам-клише (как поведенческим, так и литературным) или же, наоборот (как в случае с Чеховым), может стать точкой «отталкивания», стимулируя развитие писателя и человека через отрицание и пародирование устоявшихся клише, побуждать к их разрушению и отказу от них. Впрочем, по мнению Д. Н. Овсяннико-Куликовского, никакие шаблоны и клише (жанровые, языковые, поведенческие) не страшны настоящему таланту, так как «психологические условия художественной работы таковы, что, вопреки всяким шаблонам, выдвигают вперед индивидуальность писателя: если она сильна и оригинальна, то никакой шаблон ей не страшен; если

---

* Лотман Ю. М. Литературный быт // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 194.

** Ср., например, определение, данное понятию «литературный быт» Ю. Б. Боревым: «...жизненные обстоятельства и детали (вплоть до мельчайших) повседневной жизни автора в окружающей его среде (в первую очередь литературной среде); общие особенности и конкретные детали повседневной жизни литераторов» (Борев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003. С. 224).

она слаба и бесцветна, то, все равно, и без шаблона она не создаст ничего оригинального и значительного»*.

Условия газетно-журнальной работы в рамках «малой прессы» чеховского времени были таковы, что шаблоны и клише на разных уровнях воспринимались как своеобразная норма, эталон для вновь приходящих литераторов и «поденщиков» со стажем. Выход за пределы представлений о поведенческом или литературном эталоне вызывал, по признанию Чехова, «лай»: «Нужно дуть в рутину и шаблон, строго держаться казенщины, а едва журнал или писатель позволит себе проявить хоть на пустяке свою свободу, как поднимается лай» (ПЗ, 64).

Чтобы не потерять свое лицо и каким-либо образом вырваться из сетей шаблона, «настоящий талант», который оказывался в этой среде, просто вынужден был искать свой путь, свои формы, свой язык (как литературный, так и поведенческий). И новаторство писателя в этом случае очень часто бывает связано именно с разрушением устоявшихся литературных форм и клише, а также стереотипов, связанных с определенным положением писателя на иерархической лестнице. Так, В. В. Билибин в письме от 7 марта 1887 года убеждал Чехова: «...Вам необходимо немедленно писать крупное, чтобы выйти из роли, Вам не подобающей, *“подающего большие надежды”* (курсив мой. — Э. О.). Такая роль долго не должна продолжаться для истинно талантливого человека, каким я считаю Вас»**. Вопрос в том, всегда ли написание «крупной вещи» само по себе способно повлиять на его положение в литературной иерархии? Представляется, что далеко не всегда. В конкретной исторической ситуации рубежа 70–80-х годов XIX века, когда начинал Чехов и многие его ровесники, существенным оказывалось уже то, в каких журналах (т. е. в какой среде) дебютировали и закреплялись новые авторы. В эти же годы сформировалась особая иерархия изданий в рамках «малой прессы», и сотрудничество автора с тем или иным изданием нередко играло большую роль в создании его репутации.

Под «литературным бытом» следует также понимать систему поведенческих стереотипов во взаимоотношениях литераторов между собой, в отношениях писателей и власти, писателей и читателей, сами формы существования писателей (в 1880–1900-е годы — это преимущественно форма жизни текущей литературы, проходящей в редакциях газет и журналов, реже литераторские обеды и вечера, кружки и салоны как форма своеобразной коммуникации), а также творческое поведение писателя.

* Овсянко-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции // Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1911. Т. 9. Ч. 3. С. 53.

** ОР РГБ. Ф. 331. К. 36. Ед. хр. 75-б. Л. 12.

Впервые к проблеме «литературного быта» и необходимости его изучения в рамках истории литературы обратился в 1927 году Б. М. Эйхенбаум в статье «Литература и литературный быт»: «Перед литературной наукой встала новая теоретическая проблема — проблема соотношения фактов литературной эволюции с фактами литературного быта. Проблема эта не входила в построение прежней историко-литературной системы просто потому, что самое положение литературы не выдвигало этих фактов. Теперь их научное освещение стоит на очереди, потому что иначе самый процесс в том виде, как он совершается на наших глазах, не может быть понят»*.

Л. Я. Гинзбург, ученица Эйхенбаума, вспоминала, как возник сам интерес учителя к явлениям «литературного быта»: «...оказалось, что стоявшие на очереди исторические, эволюционные задачи не поддаются решению имманентным методом. Так начался кризис школы. <...> Для Эйхенбаума первоначальным выходом из переставшей удовлетворять имманентности был выход в теорию *литературного быта*, он начинает ее разрабатывать с середины 20-х годов»**.

В 1928 году вышла составленная В. А. Фейдер книга «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам»***, возможно, как ответ на поставленную Эйхенбаумом теоретическую задачу (но и как синхронно возникшая потребность развивающегося уже в самостоятельное литературоведческое направление чеховедения)****.

В предисловии к изданию В. А. Фейдер пишет о принципе подбора материала, но не дает определения понятию «литературный быт». Впрочем, из текста предисловия можно понять, что для Фейдер это прежде всего «материальная и моральная обстановка, окружающая писателя и определяющая характер его творчества и его литературных замыслов», а также «внешний процесс писательства»*****.

* *Эйхенбаум Б. М.* Литература и литературный быт // Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 52.

** *Гинзбург Л. Я.* Записки. Воспоминания. М., 2003. С. 441–442.

*** Начиная с 1930-х гг. и до конца 1980-х гг. книга «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам» (Л., 1928) и ее автор были выведены из научного обихода. Когда же о книге вспомнили, то даже не знали, кто ее автор — мужчина или женщина. (См.: *Кузичева А. П.* Чехов о себе и современники о Чехове (Легко ли быть биографом Чехова?) // Чеховиана. Чехов и его окружение. М.: Наука, 1996. С. 23.)

**** Нужно заметить, что в это же время возникает Московский государственный музей имени А. П. Чехова, собирается материал по истории чеховской литературной эпохи, в том же 1929 г. выходит труд И. Ф. Масанова «Чеховиана. Вып. 1. Систематический указатель литературы о Чехове и его творчестве».

***** *А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам.* Л.: Academia, 1928. С. VII.

Книга Фейдер сделана в жанре «монтажа» воспоминаний и писем, ставшего после работ Н. С. Ашукина и В. В. Вересаева о Пушкине, по свидетельству С. Рейсера, «необычайно популярной и ходкой формой». В ней выборочно приведен и тематически подобран эпистолярный и мемуарный материал. Практически никаким комментарием этот «монтаж» не снабжен — факты должны говорить сами за себя.

Отбор фактов, доступных Фейдер («свидетельство авторов о самих себе и их современников, переписка, воспоминания, дневники, записные книжки и т.п.»*), производился жесткий, о чем она и сообщает в предисловии: «Все сомнительное, апокрифическое и анекдотическое, не поддающееся проверке, мы отбрасываем, как излишний балласт, а если и допускаем, то лишь с соответствующей оговоркой. Но, и из очищенного таким образом биографического архива, мы делаем новый отбор, откладывая в сторону то, что органически не связано с литературной деятельностью Чехова»**.

С позиций современного знания можно заметить, что критерии отбора материалов весьма сомнительны. Да и сам жанр такого рационального и жестко ограниченного «монтажа» не может в полной мере отразить картину литературного быта любого времени, любой эпохи.

Принятый Фейдер принцип изложения литературного и биографического материала подвергся критике уже в 1929 году со стороны Цезаря Вольпе, который в статье «Теория литературного быта» оценивал работу Фейдер так: «...читатель, обладая монтажом, к документу не обращается, сохраняя, однако, иллюзию владения документом. Так, напр<имер>, из Чехова, составленного В. Фейдер, читатель вынесет совершенно ложное убеждение своего знакомства именно с Чеховым. Между тем, он только на шкуре Чехова познакомился с В. Фейдер»***. Представляется, что это не совсем так.

Задачей В. А. Фейдер было не столько описать жизнь и творчество Чехова, «познакомить» читателя с Чеховым в быту (эту функцию в большей степени выполняют книги в другом жанре — биографии, к тому же к 1929 году было написано несколько биографий Чехова — Ф. Г. Мускатблита, А. А. Измайлова и биографические заметки М. П. Чехова), а попытаться представить общую картину именно литературного быта, в котором существовал Чехов, дать возможность увидеть его характерные черты. Именно об этом В. А. Фейдер написала в предисловии к книге: «Мы воздержимся от искушения “объять необъятное”

---

* Там же. С. VI.

** Там же. С. VII.

*** Вольпе Ц. Теория литературного быта // За марксистское литературоведение. Л.: Academia, 1930. С. 149.

и не станем писать физиологию творчества. Наша задача — лишь ввести читателя в эту интересную тему и наметить один из путей к возможным обобщениям в области литературного творчества. С этой целью мы попытаемся проследить, *как работали* наши писатели, как, под влиянием внешних обстоятельств и взаимодействия их с психическим миром художника, *создавались те или иные “творческие сочетания”**.

Никак не прокомментированные воспоминания, фрагменты писем, документы, не могут дать полную объективную картину литературного быта. Книга Фейдер и не могла быть полной по ряду причин: многие из известных теперь материалов тогда были просто недоступны ее автору (отчасти потому, что некоторые материалы еще принадлежали современникам Чехова, другие не были найдены, а многие мемуары вообще не были еще написаны). Однако Фейдер была первой исследовательницей, предпринявшей подобное издание на материале чеховской эпохи. Благодаря этой работе стали, во-первых, в известной мере доступны материалы воспоминаний, появившихся в периодике 1910-х годов и потом так и не переиздававшихся**; во-вторых, подобранный тематически материал давал возможность в некоторой степени оценить влияние на творческую эволюцию Чехова «внешних обстоятельств», т. е. газетно-журнального литературного быта, и увидеть хотя бы в первом приближении, каков характер зависимости от него в *разные периоды* жизни и творчества писателя. А ведь именно это влияние является одним из аспектов изучения литературного быта.

Критика Ц. Вольпе представляется весьма ценной: он отмечает как недостатки, так и достоинства теории «литературного быта» и помогает понять многие положения этой теории, открывает ее первоисточки и обнаруживает параллели. Так, Вольпе подробно разбирает теорию Л. Шюккинга о роли социального заказа в литературе, дополняя ее важными замечаниями. Разбирает не случайно, а в связи с тем, что «В. М. Жирмунский и Н. Я. Берковский противопоставляют “литературному быту” Б. М. Эйхенбаума с их точки зрения стройную систему шюккинговской социологии»***.

В 1928 году Н. Я. Берковский перевел ряд статей профессора Лейпцигского университета Людвиг Шюккинга 1910–1920-х годов и книгу «Социология литературного вкуса» («Die Soziologie der literarischen Geschmacksbildung»), посвященных англо-саксонскому эпосу и драме эпохи Шекспира, а В. М. Жирмунский написал к ней пред-

---

* А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам. С. V–VI.

** Книга «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам» вышла тиражом 5 тыс. экземпляров.

*** Вольпе Ц. Указ. соч. С. 150.

словие. В предисловии Жирмунский обозначил основные черты теории Шюккинга: «Автор исходит из факта эволюции художественных вкусов, который обыкновенно объясняют “духом эпохи”. Подвергая это понятие социологической критике, Шюккинг устанавливает наличие для каждой эпохи социологически дифференцированных читательских групп, различных по своим художественным симпатиям и вкусам. Изменение вкуса обусловлено борьбой между этими социальными группами»*. В. М. Жирмунский, соотнося теорию Шюккинга и теорию «литературного быта», отмечает, что «круг социологических интересов Шюккинга гораздо более широк, и выбор предмета исследования определяется строго продуманной и обоснованной методологической системой: вопросы профессионального быта писателей («литературного быта») с этой точки зрения являются лишь одним из элементов быта социального, которым обусловлена для Шюккинга эволюция художественного вкуса в социологически дифференцированных читательских группах»**.

Понятно, что динамика литературного процесса зависит *не только* от характера связи «читатель — писатель» и социального заказа или «литературного вкуса» этого читателя. (Хотя изучение этой проблемы необходимо именно в рамках литературного быта, но оно не ставилось прямо Б. М. Эйхенбаумом в качестве основной задачи.) Ц. Вольпе справедливо замечает: «Конечно, литературные вкусы влияют на развитие литературы, но здесь вопрос только о роли читателя. Литература в свою очередь строит вкус общества <...>. Следовательно, *налицо только взаимодействие*»***.

Преодоление «теории литературного быта» (а на самом деле дальнейшее развитие и расширение проблематики за счет введения четкой исторической или историко-социологической координаты, важность чего спустя многие десятилетия подтвердилась) Вольпе видит «в рассмотрении фактов, изучаемых этой теорией, в ряду всех тех условий и явлений, которые образуют историческую среду, современную изучаемому литературному факту»****.

Важно, что в своей статье Ц. Вольпе отмечает и неопределенность понятия «литературный быт», предложенного Эйхенбаумом, «ибо нечеткий термин этот объединяет явления в существе различные»*****. Вероятно, в 1920-е годы дефиниция еще не сложилась.

---

* Жирмунский В. М. Предисловие // Шюккинг Л. Социология литературного вкуса. Л.: Academia, 1928. С. 8.

** Там же. С. 11.

*** Вольпе Ц. Указ. соч. С. 150.

**** Там же. С. 168.

***** Там же. С. 157.

«Литературный быт — это формы литературной работы и литературной (в частности, журнальной) борьбы и формы профессионального быта писателя. Это вопрос: “Как быть писателем?” В таком виде Эйхенбауму первоначально открылось значение “многообразных исторических связей и соотношений”»*, — вспоминала Л. Я. Гинзбург.

При том, что для каждой литературной эпохи, даже для каждого пласта литературы существует *свой литературный быт*, своя система кодов и клише, можно дать некое общее определение литературного быта как способа структурирования жизни литераторов, при котором создаются определенные критерии и требования, соблюдаемые или нет в жизни.

«Литературный быт <...> — это та повседневная бытийная реальность, в рамках которой происходит непрекращающийся процесс творения литературы как реальности отраженной. <...> Текст жизни, пропущенный сквозь текст литературного быта, превращается в текст литературы, который, в свою очередь, может в “отраженном”, т.е. обогащенным новыми смыслами виде вновь сделаться текстом жизни», — пишет современный исследователь О. Р. Демидова. Далее она же отмечает: «Процессы подобного рода становятся особенно активными в ситуации повышенной “плотности” и смысловой нагруженности литературного быта, как правило, являющейся результатом социальных и/или культурных сдвигов, переломов, катастроф»**.

Что как не культурный слом, сдвиг в русском обществе — период 1870–1880-х годов (т.е. начало творческого пути Чехова и многих его ровесников)? Именно в эти годы происходит смена социокультурных парадигм, меняется восприятие литературы и литературной деятельности, отношение к литературе и ее функции в разных слоях общества. На видное место выходят газетно-журнальная литература и, следовательно, быт этой среды.

Особенностью 1870–1880-х годов было то, что именно в эти десятилетия обострился процесс взаимопроникновения на разных уровнях различных социальных групп и слоев, текстов жизненных и литературных, разных пластов литературы, что не могло не отразиться на самих участниках литературного процесса, на текстах этой эпохи, принимавших правила игры того пространства деятельности, в которое они оказывались включены, а затем которые оказывались следствием таких, а не других условий. В 1870–1880-е годы меняется система общественных и литературных представлений и критериев.

---

* Гинзбург Л. Я. Указ. соч. С. 441.

** Демидова О. Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. СПб., 2003. С. 13, 14–15.

В эти годы особое значение приобретает так называемая «малая пресса», привлекающая нового — массового, демократического по статусу — читателя и сформировавшая новый тип писателя, обслуживавшего эту читательскую группу. Литературный быт как необходимое первичное структурирование жизни этого литературного пласта обуславливал и появление определенного типа текстов, со своим языком, со своей образностью.

Интересно изучить как общие закономерности, механизмы взаимовлияния литературного быта и литературы, так и процессы, специфические для чеховской эпохи (прежде всего, в рамках «малой прессы») и связанные с изменившимся статусом писателя, с особой ролью конкуренции и зависти как форм писательского быта, а также с взаимовлиянием и взаимопроникновением текстов «малой прессы» и «большой» литературы на собственно литературном и литературно-бытовом уровнях.

Как пишет В. Б. Катаев, «Чехов, подобно Пушкину, жил и *формировался как писатель в эпоху, когда литературное искусство совершало крутой поворот*. Поиски новых героев, сюжетов, жанров, новой манеры разговора с читателем отразились в творчестве целого литературного поколения. *В 80-е годы зарождалось и оформлялось многое из того, что позже составило наиболее характерные черты русской литературы XX века* (курсив мой. — Э. О.)»*. Особенно значимой является социальная и функциональная неоднородность литературного поколения 1870–1880-х годов, даже количественно создавшая такую иерархию, которую нельзя было не учитывать и не замечать в повседневной литературной жизни, а затем и в истории этого периода.

Весьма важным для истории литературы представляется изучение *взаимовлияния* литературного быта и текста — бытописания и «текстуализации» быта. О. А. Проскурин в книге «Литературные скандалы пушкинской эпохи» ставит подобную задачу даже шире — не только в контексте литературы, а культуры вообще, что актуально для постановки подобной темы и в отношении Чехова: «Изучение литературного быта <...> намечает перспективы для демистификации литературы, не для редукции ее до пункта пересечения противоборствующих социальных сил, а для изучения путей “текстуализации” культуры — явление, осмысление которого является насущной задачей гуманитарных дисциплин»**.

Проблема соотношения литературы и литературного быта определенной эпохи сегодня становится особенно актуальной и в историко-

---

* Спутники Чехова / Собрание текстов, статьи, комментарии В. Б. Катаева. М., 1982. С. 7.

** Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. С. 16.

литературном плане. Многие процессы, происходившие в литературе и в литературном быте разных эпох, не прекращаются с переходом в другую эпоху, а имеют тенденцию к повторению. Так же, как меняется фактура, стиль одежды, меняются и формы литературного быта, но действие обуславливающих их повторение и функционирование механизмов, как и общие схемы, матрицы человеческих отношений, остаются практически неизменными.

Итак, для каждой литературной эпохи характерны свои *тексты* и, соответственно, свой поведенческий арсенал. Важно отметить, что литература конца XIX века принадлежала в силу разных (прежде всего социальных) причин к трем культурным пластам, которые обслуживали различные социальные группы читателей, различные вкусы. Соответственно, язык, тексты и литературный быт этих трех пластов литературы — «большого», «срединного» (беллетристика) и «низового» (массовая литература) различались.

В чем же заключается специфика литературного быта в чеховскую эпоху? Какие элементы составляют литературно-бытовые отношения в рамках периодики 1880–1890-х годов?

Это особые взаимоотношения, цепочки микросвязей «читатель — писатель (автор юмористических изданий)», «редактор — читатель» (редакторская политика), «писатель — редактор, издатель», взаимоотношения литераторов между собой (проблемы конкуренции и борьбы за определенную нишу и т. д.), и определявшая многое цепочка взаимоотношений «писатель, редактор — власть (цензура)».

По сложившемуся стереотипу, понятие литературный быт ассоциируется непременно с пушкинской эпохой, с кружками и салонами 1820–1830-х годов. В чеховское время в качестве аналогичных форм литературного быта — при той же их необходимости — продолжали существование литературные вечера, общества, обеды, кружки и салоны. Таким образом реализовывалась потребность, психологическая и социальная, в общении людей одного круга, одного рода деятельности. Но в среде авторов юмористических изданий в 1880-е годы они были во многом формальным элементом литературного быта с его ориентацией на подобные встречи, вечера, салоны авторов «большой» литературы, откуда они брали основные образцы структурирования собственной жизни. Зачастую задачи, стоящие перед членами салонов авторов «большой» литературы, как-то: отбор и обсуждение литературных новинок, полемика по вопросам литературы и искусства, — не являлись первостепенными для участников кружков «малой прессы». Безусловно, «вторники» В. А. Гольцева 1880–1890-х годов, на которые собирались П. Д. Боборыкин, В. И. Вернадский, И. Ф. Горбунов, Н. Н. Златовратский, А. А. Мануйлов, П. Н. Милюков, Н. К. Михай-

ловский, Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов, существенно отличались по содержанию от «столешников» В. А. Гиляровского, где бывали Л. Н. Андреев, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, В. Г. Короленко, В. М. Дорошевич, Н. М. Ежов, А. С. Лазарев-Грузинский, И. И. Барышев-Мясницкий, А. И. Куприн, А. М. Пазухин, А. С. Суворин, Н. Д. Телешов и проходивших в те же годы. И это отличие было связано как с составом участников, так и с характером и целями этих собраний. Судя по большому количеству разнообразных кружков, обществ и т. п., необходимость, потребность в подобных встречах, вообще в объединении литераторов по ремесленному признаку была немалая. Однако перед авторами «малой прессы» (в отличие от авторов «большой» литературы) не стояла проблема качественного отбора публикуемого материала, их отношение к творчеству как ремеслу и преобладание количества литературной продукции над качеством во многом определяли разницу в понимании задач писательских объединений авторами массовой и «серьезной» литературы.

Но даже кружки авторов «большой» литературы конца XIX века не могли выполнять функции кружков, салонов и обществ 1820–1830-х годов. Попытки восстановить прежнее значение кружков и салонов предпринимались особенно активно в 1890–1900-е годы. Но даже именованное обеды беллетристов «Арзамас» (с очевидной аллюзией на известное общество пушкинского времени), по свидетельству И. Н. Потапенко, было «пришпиленным» и «ничем не оправдываемым». Вечера, по воспоминаниям современников, как правило, ограничивались одними разговорами околелитературного характера, изредка обсуждением литературных новинок, т. е. максимально «обывлялись». Часто имели место и разговоры «о литературе», но формальной, особой «салонной» литературы, т. е. текстов, создаваемых в рамках этих кружков, вечеров уже не было в 1880–1890-е годы в собраниях и на вечерах авторов «малой прессы». (Одним из немногих исключений является «Альбом обеденных благоглупостей российских беллетристов»*, сохранивший все черты, характерные для жанра «альбома», еще в 1820–1830-е гг.) Впрочем, отсутствие особой роли таких форм литературной жизни, как салоны, обеды и пр. было вполне закономерно. Слишком разными были авторы, обслуживающие «малую прессу», — разными как по социальному происхождению, так и по характеру того, что они писали, интересам и убеждениям. Литература не рассматривалась (не манифестировалась) большинством из них как средство для разрешения социальных проблем, она была средством существования, побочным заработком. Многие авторы были

---

* Хранится: ОР РНБ. Ф. 494. Оп. 1.

заняты работой на основной службе (В. В. Билибин, служивший с 1886 до конца жизни в Главном управлении почт и телеграфов, А. С. Лазарев, до 1891 г. совмещавший преподавательскую деятельность с литературной, Н. М. Ежов, также преподававший и др.), семейными делами, а еще нужно было успевать сдавать материал в срок. Часто не было времени для регулярных встреч, поэтому и состав кружков, обедов не был постоянным. Или, что еще хуже, подобные вечера, устраиваемые редактором или издателем, превращались в обязательно-принудительное занятие. Например, А. Р. Кугель в своих «Литературных воспоминаниях» так охарактеризовал «субботы» Худековых, на которых «раза два бывал и Чехов»: «Сотрудники считали эти субботы довольно неприятною обязательною службою и норовили приезжать, кто мог, часам к 12, — к ужину, который был великолепен и тонко сервирован. <...> Несмотря на блеск приемов, на отличное угощение и на многолюдство этих собраний, — было тоскливо, вернее, холодно, потому что недоставало главного: внутреннего интереса. Тут не было ни политической платформы, объединявшей круг приглашенных, ни артистического или литературного темперамента, ни умственных запросов»*.

Таким образом, встречи, кружки и салоны, возникавшие по аналогии с формами профессионального быта авторов «большой» литературы как некие клише форм профессионального общения, не являлись в чеховскую эпоху определяющими для литературного процесса формами литературного быта, не стали формой продуктивного профессионального общения. Более значительными здесь оказывались цепочки микросвязей, как-то: писатель-читатель, писатель-редактор (издатель), писатель-власть (цензура), взаимоотношения писателей между собой. В основе всех этих различий лежала и разница в отношении авторов «малой прессы» и «большой» литературы к собственному творчеству. Вернее, различия определялись этой разницей.

При обращении к литературно-бытовому материалу появляется возможность более правильной и обоснованной интерпретации того или иного литературного произведения, которое создавалось в этой среде, на этой почве, питалось ее языком понятий, нормами, стереотипами. Сама эта литература в своей массовости была набором стереотипов. И почти всегда можно увидеть, как и почему было создано именно такое произведение, чем обусловлены его форма и содержание. Как влиял читательский запрос и редакторская политика, а также предшествующие этому произведению современные авторитетные образцы периодики (новые клише) на жанр (форму), содержание и язык текстов, создаваемых в эту эпоху и этой эпохой. Насколько значительным ока-

---

* Кугель А. Р. Литературные воспоминания (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 73.

зывалось влияние литературного быта конкретной эпохи на характер создаваемых текстов, их поэтику. Эти вопросы оказываются важными при изучении *текстов* (в широком смысле) «малой прессы» чеховской эпохи для понимания того, каким образом, в силу каких закономерностей или их нарушения формируется (прежде всего) поэтика произведений А. П. Чехова.

«По отношению <...> к своей современности писатель, — как отмечал М. Аронсон, — есть результат сплетения некоторых сложных единств; писательская индивидуальность в конечном счете сводится к некоторому соотношению участвовавших в ее создании объективных литературных, литературно-бытовых и социальных сил»*.

В контексте современной социологии литературы, набирающей силу и являющейся формой выхода из постструктуралистского тупика и кризиса методологии, исследование того, что именуется Б. М. Эйхенбаумом «литературным бытом», становится особенно актуально и значимо. Собственно говоря, тот круг вопросов и проблем, которые возможно изучать в связи с литературным бытом чеховского времени, предыдущих или последующих эпох, во многом совпадает с задачами социологов литературы. Массовое чтение, особая роль читателя и писателя-маргинала — все это является объектом изучения именно социологии литературы, и, в первую очередь, литературного быта. Вот только собственно-бытовой элемент, литературный быт редакций газет и журналов, система взаимоотношений между писателями и связь этих запускающих механизмов в создании определенных образцов текстов, требуемых временем и выполняющих определенные задачи первичной социализации и эстетизации читателя, теорией литературной социологии, как правило, не учитывается. Хотя часто именно эти элементы литературного быта важны при соотнесении среды и текста.

---

* Аронсон М. Кружки и салоны // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 16–17.